

Как товарная концепция разрушает образование

Александр Олегович Карпов,

начальник отдела, ведущий научный сотрудник Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, кандидат физико-математических наук, a.o.karpov@gmail.com

• образование • товар • рынок • услуги • коммодификация • социальная миссия •

Представление образования и науки исключительно в системе товарных отношений обнаруживает позицию, которая экономически репрезентирует крайние формы индустриальной культуры прошлого века (следует заметить — уходящей культуры), а политически является инструментом узкой доктринальной группировки и её клиентуры, т.е. олигархической структуры, стремящейся выстроить эффективные, со своей точки зрения (и, естественно, в своих интересах), формы управления и контроля¹. И здесь не важно, откуда родом эта группировка — из кланов монополистического капитала, слоя радикальных политиков, «профсоюза» чиновников или их конгломерата, поскольку её прагматичная аргументация всегда поверхностно манипулирует с типом товара, который называется «деньги», «вещи», «услуги» или «инновационный» продукт, но не вникает в суть познавательного отношения, т.е. исключает человеческое измерение образования.

Напряжение, которое существует сегодня в вопросах, связанных с регулирующей идеей образовательного института, имеет своим источником трансформацию его культурного пространства. Интенсификация социальных ритмов, их амплитуды и разломы репрезентируются в технологической динамике, которая питается разрастающимся производством знаний и их расширяющимся потреблением, в культурных интервенциях, создающих агрессивные общины и диссонансную структуру проживания, в транснациональных процессах, именуемых глобализацией. Институт образова-

ния втянут в выстраивание правил существования социально и культурно конфликтной среды. Он перестал быть местом познавательной стабильности, инструментом закрытой социализации, сообществом с жёстко структурированной системой ролей. Изменчивость, подвижность, текучесть — теперь метафоры его бытия.

Коммодификация² познавательной деятельности, превратившая знание в товар, в вещь для коммерческого использования, изменяет способ, которым образовательные практики организуются (бюрократия) и осмысляются (экономический прагматизм и коммерческий миметизм). Когда в образование переносится принцип оценки качества фабричного продукта или формирования цены рыночного товара, разрушается глубинная образующая суть духовных дисциплин, таких как литература и история. «Измерительные материалы» не способны зафиксировать «качество» духовного мира, подлинность гражданской позиции, способность к *человеческому* пониманию и осмыслению. Когда «деньги, которые следуют за учеником», приходят в частный образовательный институт, они не только участвуют в образовании прибыли для его владельцев. Моральная и остросоциальная проблемы в том, что общие, т.е. общественные, деньги используются для улучшения жизни богатых учеников, а не бедных,

¹ Карпов А.О. Общество знаний: механизмы деконструкции // Вестник Российской академии наук. 2007. Т. 77. № 2. С. 127–130.

² Commodity (англ.) — предмет потребления, товар; commodity production — товарное производство; здесь используется в значении «товаризация».

создавая тем самым новый механизм социальной эксплуатации. И ничего не стоит в такого рода регрессивных контекстах аргументация коммодификационистов, говорящая о равных правах на общественные фонды и легитимирующая тем самым право богатых купить образовательную услугу в частном учебном заведении, доложив в эту покупку якобы причитающуюся им толику общественных средств. Так коммодификационная логика обосновывает использование государственного бюджета на создание для богатых привилегированных условий жизни. И эта логика, помимо прочего, изымает средства из того общеобразовательного сектора, который воспитывает таланты для «общей» экономики знаний.

Практика дискриминирующего отбора в школы, когда используются дополнительные инвестиции, имеет непосредственное отношение к образовательному равенству. Достижение образовательного равенства — трудная проблема, которая глубоко исследуется сегодня западными специалистами. Вместе с тем примитивные схемы, используемые в отечественном образовании, весьма далеки от подлинного понимания всей проблемы. Для Гарри Бригхауса (Harry Brighouse) равенство в образовании означает «равно хорошие условия для каждого отдельного ребёнка». По его мнению, идея о равенстве в образовании «не должна располагаться на уровне (родительского) выбора. Вначале неважно, имеют ли родители равные возможности для выбора, важнее — получают ли их дети *равно* хорошее образование». Так, например, ваучерные схемы могут запрещать

дополнительные инвестиции; но в то же время надо иметь в виду, что некоторым детям (например, талантливым) «может потребоваться больше ресурсов, чем другим»³. Такая ситуация может «обыгрываться» специализированными фондами и программами. Иначе говоря, подчёркивается, что «равенство состоит в гарантии того, чтобы социальное положение и расовая принадлежность не оказывали влияния на достижения детей»⁴.

Понимание главенствующей сущности реформ в образовании через человеческое измерение имеет своим источником культурные традиции европейского университета. Университет как центр духовного образования народа, как место, где существует «ничем не обусловленное изыскание истины, является претензией человека, как человека», — пишет Карл Ясперс. Такой «университет вместе со всем существом воспитания представляет для государства наивысший интерес в его внутренней политике, так как речь идёт об этическом будущем собственного народа, связанном с истиной»⁵. Следовательно, университет — отнюдь не только предприятие, в котором профессии выступают «способами производства наподобие производства и сбыта товаров»⁶. Образовательные реформы становятся «поверхностными, рассеивающими и спутанными», когда они осуществляются не как духовное движение, а в форме бюрократического порядка «с помощью бесконечной, практически произвольной детализации и регламентации». Такие реформы в человеческом плане ничтожны⁷.

Образовательные реформы в понимании европейской культурной традиции являются результатом *совместного* мышления, в непрерывном движении которого и «одновременно при постановке его самого под вопрос, и вместе с критикой *любой* принятой позиции обнаруживается, что такое истина»⁸. Уже в конце XX века, продолжая идею Ясперса в контексте реформ современного университета, Билл Ридингс скажет, что университет есть гибкая и открытая система, здесь — место *сосуществования* разных мышлений, которое не просто повод для коммуникации, но способ вслушивания в другого; того другого, у которого «много имён: культура, мышление, желание, энергия, традиция, событие, незапамятное, возвышенное»⁹. Понимание *такого* мышления

³ Giesinger J. Evaluating School Choice Policies: A response to Harry Brighouse // Journal of Philosophy of Education. Oxford: Blackwell Publishing. Vol. 43. 2009. № 4. P. 590.

⁴ Ibid. P. 591, 592.

⁵ Ясперс К. Идея университета / Пер. с нем. О. Шпараги (по изданию: Jaspers K., Rossmann K. Die Idee der Universität. Berlin, Göttingen, Heidelberg: Springer, 1961. 250 s.) // Топос. Минск: Центр исследований по философской антропологии Европейского гуманитарного университета, 2006. № 3. С. 13, 8, 15.

⁶ Там же. С. 23.

⁷ Там же. С. 22, 23.

⁸ Там же. С. 23, 13 (курсив мой).

⁹ Ридингс Б. Университет в руинах / Пер. с англ. А.М. Корбута. Минск: БГУ, 2009. С. 208, 213.

есть удел государств, стремящихся жить по истине, для которых «не имеет никакой ценности жизнь, основанная на лжи»¹⁰.

Та ложь, которая заключена в позиции, рассматривающей образовательный институт как супермаркет, а его учеников как покупателей и потребителей, имеет в наши дни далеко идущие культурные и экономические последствия. Когда образование и наука объявляются *ничем иным*, как сектором экономики, возникает не только опасность потери идентичности образования и науки, на что указывают специалисты¹¹, но в значительно большей степени ревизии подвергаются основы *современной* культуры и, в частности, экономики, «работающей» на знаниях. Устойчивый и динамичный рост культуры производящих знаний предписывает в качестве своего главного условия человеческую способность к созданию новых знаний, а в более широком горизонте — особую духовную компетентность *сogito*, которое должно быть способно «оживлять» знание и инкорпорировать его в социальную плаценту жизни общества. Только так человек сможет превозмочь поглощающее его искусственное, только так оно способно принудить это искусственное работать на себя, а не на собственное растущее воспроизводство. В этом преодолении природы искусственного, которая всё более трансформирует человеческую жизнь в информационном, технологическом и научном ключе, заключены надежды природы естественной, ценность индивидуального существования, способность его к духовному действию, исключаящему автоматизацию социального функционирования.

В действительности уже прагматика индустриальной жизни пытается поставить под вопрос образовательный институт как культурную инстанцию духовного типа. «Пищевая» модель образования в начале XX века трактует его в терминах диетологического потребления и питания, где обучение сравнивается с кормлением. В её основе лежит концепция знания как духовной пищи, которую нужно «съесть» и «переварить». Пауло Фрейре показывает как дидактические упрощения, идущие от *такого* понимания, исключают из процесса обучения генеративные свойства личности и социокультурные связи знания¹². К шестидесятым годам намечается переформулиров-

ка «пищевой» метафоры образования в «рыночных» терминах, которая манипулирует тем же «продуктовым» аспектом, но уже товарного свойства. Стефан Коллини отмечает, что с 1970-х «официальный курс становится всё более колонизирован экономическим языком», который берёт свои идиомы и аргументы из языка школ менеджмента, бизнес-консультантов и финансовой журналистики¹³. В девяностых понимание образования через «товарный» тезаурус широко дискутируется на Западе.

Однако идея «товаризации» образования мало чем по дидактическим последствиям отличается от его «пищевой» модели. Активная составляющая познания не входит в систему её базовых концептуализаций, а, следовательно, в директивном плане является исключённой сущностью, причём несмотря на *кажущиеся* возможности «продуктового» выбора. Образовательный супермаркет, равно как и диетологическое меню, предполагает готовый ассортимент услуг и товара для «потребляющей» личности, т.е. кем-то созданный и директивно установленный продуктовый набор.

Познавательное отношение, сформулированное в сервильных терминах как обслуживание потребителя знания, относительно генеративной функции человеческого мышления ничем не лучше диетологического понимания, причём в условиях роста культуры знаний его негативная эпистемическая функция приобретает радикальный характер. Она не только санкционирует регресс к неэффективным способам обучения, формирующим «механического» человека, но и принципиально элиминирует становящуюся культуру познания, стержень которой есть когнитивное производство. «Производственная» метафора не должна здесь вводить в заблуждение. Она не предполагает бюрок-

¹⁰ Ясперс К. Идея университета. С. 8.

¹¹ Никольский В.С. Коммодификация знания и образования: эссе о ценностях и ценах // Высшее образование в России. 2010. № 3. С. 150, 151.

¹² Freire P. The Politics of Education. Culture, Power, and Liberation / Transl. by Donald Macedo. Westport, Connecticut; London: Bergin & Garvey Publishers, Inc., 1985. P. 44-47.

¹³ Collini S. The Dismantling of the Universities: From Robbins to McKinsey // London Review of Books. London: LRB.Ltd, 2011. Vol. 33, № 16. P. 9-14; URL: http://imaginingtheuniversity.org.uk/2011/09/14/publik_education (дата обращения: 29.09.2011).

ратизацию образовательного института в структуру по производству, распределению и потреблению знаний, как на то указывает Б. Ридингс¹⁴. Она отсылает к творящей личности, к её генеративному мышлению, к совместному мышлению в человеческих коллективах, открывающему эпистемически новое в широком культурном горизонте.

Таким образом, концептуализация образования в терминах «товар» и «услуга» исключает из его дидактической основы методы и содержания, формирующие творящую личность, которая обладает исследовательским отношением к действительным, т.е. личность, способную создавать знания; а следовательно, выводит за пределы оптики такого «продуктового» взгляда главного протагониста общества, «работающего» на знаниях.

К началу нынешнего века университет по своей роли начинает походить на транснациональную корпорацию — технократическую структуру, которая отнюдь не руководствуется понятием разума, как того хотел Кант, или гумбольдтовской идеей культуры. Университет становится симулякром идеи университета, — отмечает Ридингс, — а своих студентов он видит как потребителей. Современная конъюнктура заставляет университет функционировать в технократическом ключе. Его администрирование представляет собой наиболее быстро расширяющееся поле в плане привлечения ресурсов, нежели исследование и преподавание, которые как аспекты профессиональной жизни попадают в подчинение администрированию¹⁵.

История европейской коммерциализации образования отсчитывает своё время, на-

чиная с XIII века, когда университетская продажа знания через преподавание, знания, безусловно принадлежащего Богу, тем не менее, получила высочайшую санкцию церкви. Вместе с официальной оплатой преподавательского труда на свет появилась и университетская олигархия, стремящаяся «извлечь всё большую выгоду из отправления своих функций», и товаризация образования, причислившая «преподавателей к группе наёмных работников, презираемой в Средневековье так же, как и в Античности»¹⁶. Но коммерческий «троп» не стал идеей университета, так же как он не стал идеей общей образовательной институции, обладающей самодостаточной ценностью. «Однако действительность сегодня такова, — пишут лидеры ассоциации факультетов Калифорнийского университета в Беркли, — что руководство университета одержимо деньгами... Всё, о чём оно думает, связано с увеличением платы за обучение, привлечением частных пожертвований, получением большего числа исследовательских грантов, а также сокращением расходов»¹⁷. В то же время власть рассматривает университеты, в первую очередь, как организации, вносящие долевого вклад в экономику¹⁸.

Коммодификационные стратегии в образовании осуществляются в результате переноса в его сферу принципов рыночного функционирования и имеют в своей основе англо-американскую модель, ориентированную на конкуренцию. Американские и европейские реформы высшего образования проходят под знаком увеличения вклада университетов в экономический рост, который измеряется исключительно в товарно-денежных единицах. Вписывание образовательного института в рыночный тезаурус, позволяет говорить о потребности в образовании через спрос и предложение, о развитии образования в терминах регулирования рынка образовательных услуг и конкуренции его агентов, о доступности образования как результата функционирования системы кредитов и ваучеров, осуществляющих механизм «деньги следуют за учеником». Несомненно, бизнес-модель, выстроенная в пространстве «конкурирующих поставщиков услуг» и «требовательных потребителей»¹⁹, — это легитимированный современной культурой взгляд на образование. Вместе с тем его позиция — далеко не

¹⁴ Ридингс Б. Университет в руинах. С. 214.

¹⁵ Там же. С. 73, 83, 82, 168, 169.

¹⁶ Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: время, труд и культура Запада / Пер. с франц. С.В. Чистякова и Н.В. Шевченко. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. С. 85, 86, 89.

¹⁷ Brown W., Rosen S., Walker R. Talking Points in Defense of UC and Public Education. Berkeley: UC Berkeley Faculty Association, 2011 (September 21). URL: <http://ucbfa.org/2011/09/talking-points-of-uc-and-public-education/> (дата обращения: 01.10.2011); Венди Браун и Крис Розен — сопредседатели, а Ричард Уокер — заместитель председателя ассоциации факультетов Калифорнийского университета в Беркли (США).

¹⁸ Collini S. The Dismantling of the Universities: From Robbins to McKinsey.

¹⁹ Ibid.

единственная точка обзора духовной культуры, как индустриальной эпохи, так и сегодняшнего постиндустриального времени.

Принципиальное различие в ракурсе видения идёт от того, рассматривается ли настоящее и будущее образовательного института в широком культурном горизонте, в частности, в контексте культуры знаний, или взгляд утилитарно суживается до товарного оборота в экономике знаний. Первое с избытком покрывает второе. Однако, когда первое подменяется вторым, образовательный институт берёт образ финансовой корпорации, а его деятельность рассматривается под узким углом реализации бизнес-плана. Государственные интересы, понятия в узкой — экономической — конъюнктуре, определяют благополучие страны через эффективность товарных транзакций, но не в плане духовных инвестиций в человека, которые несут духовный рост всего общества. Реформаторы не хотят граждан, они хотят послушных потребителей²⁰. Вместе с тем как Великая хартия университетов (1988) в качестве фундаментального принципа утверждает: «Чтобы отвечать требованиям современного мира, университет должен быть нравственно и интеллектуально независим от политической и экономической власти в своей преподавательской и исследовательской деятельности»²¹.

В то время как коммодификация образования превращается в основное занятие его чиновничьего аппарата, вопрос установления истины, охраняющей баланс разных форм его существования, представляется делом насущным, требующим постоянного разрешения ввиду того, что культурная динамика времени интенсивно переопределяет социоэкономические реалии познавательного отношения.

Пример Великобритании — одного из главных законодателей мод в европейском образовании — является индикатором социокультурных противоречий, вырастающих из коммодификационных стратегий понимания и преобразования современного образовательного института. Анализируя двадцатилетнюю историю ведомственной институализации образования и науки в Великобритании, С. Коллини отмечает, что «университеты и научно-исследовательская деятельность всё больше и больше

попадают под руководство ведомств, которые в первую очередь ответственны за развитие бизнеса, торговли и занятости»²². Однако Великобритания даёт и пример реакции гражданского общества, одной из культурно эффективных традиций которого является общественная коррекция реформационной политики власти.

28 июня 2011 года министр университетов и науки Дэвид Уиллетс (David Willetts) объявил в Палате общин о выходе Белой книги «Высшее образование: студенты в центре системы образования». Документ был опубликован Министерством бизнеса, инноваций и квалификаций (Department to Business, Innovation and Skills, BIS). В качестве повода для расширения в системе образования рыночных отношений используется экономический спад и бюджетный дефицит. К предыстории документа следует отнести Белую книгу правительства «Будущее высшего образования» (2003), рамочный документ BIS «Высокие амбиции: будущее университетов в экономике знаний» (2009) и «Независимый анализ финансирования высшего образования», составленный под руководством бывшего главы компании British Petroleum лорда Брауна (Browne). Предполагается, что изменения в русле обнародованных предложений начнутся с 2013 года и обеспечат устойчивое финансирование системы высшего образования, лучшую подготовку студентов и будут благоприятствовать социальной мобильности²³.

27 сентября 2011 года газета «Гардиан» сообщила, что сотни учёных подписали документ «В защиту государственного высшего образования»²⁴, в котором они предупреждают о пагубных последствиях Белой книги

²⁰ In Defence of Higher Education // The Plashing Vole: у traethodydd, 2011 (September 27). URL: <http://plashingvole.blogspot.com/2011/09/in-defence-of-higher-education.html> (дата обращения: 29.09.2011).

²¹ Magna Charta Universitatum. URL: <http://www.magna-charta.org/> (дата обращения: 08.10.2011 г.). Великая хартия университетов была подписана в 1988 году в Болонье ректорами 388 главных университетов мира из 47 стран (в том числе из России).

²² Collini S. The Dismantling of the Universities: From Robbins to McKinsey.

²³ Cable V., Willetts D. Foreword // Higher Education: Students of the Heart of System / Department for Business, Innovation and Skills. London: TSO. P. 2, 3. Предисловие к Белой книге по высшему образованию подписали: д-р Винс Кейбл, министр по вопросам бизнеса, инноваций и квалификаций, и Дэвид Уиллетс, министр университетов и науки правительства Великобритании.

и говорят, что запланированные реформы в принципе не верны²⁵.

Профессор Ховард Хотсон (Howard Hotson), организатор кампании протеста от Оксфордского университета, предсказывает в «Гардиан» «зиму недовольства» для правящей политической группировки, коммодификационные устремления которой не приемлют британские университеты, студенческие ассоциации и преподавательские союзы²⁶. Использованная метафора имеет особый предостерегающий контекст. В англоязычной политической риторике она репрезентирует недовольство граждан в событиях исключительной общественной важности, в частности, отсылает к зиме 1978–1979 годов, когда протесты рабочих профсоюзов, недовольных правлением Лейбористской партии, заставили правительство провести всеобщие выборы, победу на которых одержала Консервативная партия во главе с Маргарет Тэтчер.

²⁴ In Defence of Public Higher Education (doc.) URL: http://publicuniversity.org.uk/wp-content/uploads/2011/09/In_Defence_of_Public_HE (дата обращения: 29.09.2011 г.). Для отличия от публикации, имеющей аналогичное название, мы будем добавлять скобки, в которых указывать обозначение «doc.» и присовокуплять к нему соответствующие номера параграфов документа.

²⁵ In Defence of Public Higher Education (news) // The Guardian. London, 2011 (September 27). URL: <http://www.guardian.co.uk/education/2011/sep/27/defence-of-higher-education-signatories> (дата обращения: 28.09.2011 г.).

²⁶ Swain H. Higher education white paper is provoking a winter of discontent // The Guardian. London, 2011 (September 27). URL: <http://www.guardian.co.uk/education/2011/sep/27/higher-education-alternative-white-paper/print> (дата обращения: 27.09.2011 г.).

²⁷ Монолог Ричарда III в шекспировской трагедии начинается словами: «Now is the winter of our discontent / Made glorious summer by this sun of York...». Поэтический прием здесь меняет грамматический порядок слов и создает поливариантность перевода. Пожалуй, самый близким к оригиналу по смыслу является перевод Михаила Лозинского: «Зима тревоги нашей позади / К нам с солнцем Йорка лето возвратилось». Выражение «зима тревоги нашей» в поэтическом значении – всегда время затяжных несчастий. Под «солнцем Йорка» подразумевается восшедший на престол король Эдуард IV, который выбрал эмблему «блистающего солнца». Эта фраза из монолога Ричарда весьма популярна. «Зима тревоги нашей» – название известного романа Джона Стейнбека. Вместе с тем Н.З. Баширова отмечает, что практика использования исключает вторую часть цитаты, тем самым элиминируя позитивные коннотации, то есть ту, которая говорит, что время страданий и неудач закончилось. (Баширова Н.З. Шекспир в российской и английской прессе // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 31. Челябинск, 2009. № 13 (151). С. 11, 12.)

²⁸ Шекспир У. Ричард III / Пер. с англ. А. Радловой // Шекспир У. Полное собр. соч.: в 8 т. Т. 1. М.: Искусство, 1957. С. 575.

²⁹ Swain H. Higher education white paper is provoking a winter of discontent.

³⁰ Magna Charta Universitatum.

Более глубокий культурно-исторический подтекст идёт из 1597 года, когда вышла «Трагедия о короле Ричарде III, содержащая его предательские козни...», которая начинается со слов шекспировского протагониста: «Now is the winter of our discontent»²⁷. Отсюда аллюзии, которые несёт в себе стилистика «зимы недовольства», намекают на особую «ричардовскую» мораль власти: «Ведь совесть — слово, созданное трусом, / Чтоб сильных напугать и остеречь. / Кулак нам — совесть, и закон нам — меч» (V.3)²⁸. В этом ряду — образ злодея на троне, лицемерие, деспотизм, вероломство, хитрые доводы и вкрадчивая речь.

Документ, который позиционируется как «альтернативная Белая книга», был разработан летом 2011 года под руководством Джона Холмвуда (John Holmwood), профессора социологии Ноттингемского университета и основателя компании за Общественный университет (Public University)²⁹. В преамбуле представлены основные принципы, содержащиеся в Великой хартии университетов³⁰, которая была подписана в 1988 году в Болонье ректорами 388 главных университетов мира из 47 стран (в том числе и из России), а также указывается, что «эти принципы находятся под угрозой из-за введения рыночных отношений в систему высшего образования и вхождения в неё коммерческих компаний».

Альтернативная Белая книга устанавливает принципиальную позицию: общественное высшее образование финансируется обществом и государством, но это не означает, что оно должно контролироваться государством. Авторы отмечают парадоксальную мотивацию правительства, которое использует как повод для введения рынка в высшем образовании финансовый кризис, вызванный провалом рынка. Если образование есть социальное условие, позволяющее рынку процветать, то что будет значить тогда провал рынка образования? Опираясь на проведённый анализ, документ утверждает, что «единственным мотивом предложений правительства является ложное идеологическое убеждение, а не финансовая необходимость». Иначе говоря, имеют место инициативы политической доктринальной группировки, которая полностью игнорирует общественную ценность высшего образования и полагает, что рас-

пространение рыночных принципов на сферу университетского образования является *само по себе* достаточным основанием.

«Скрытый смысл данной Белой книги, — говорится в альтернативном документе, — это коммодификация образования», которая должна «обеспечить новые рынки сбыта для капитала, ищущего любые подходящие возможности для инвестиций». Причём, предполагаемые «изменения будут стимулировать студентов думать о себе как о потребителях, инвестирующих исключительно в свой личный человеческий капитал, с тем, чтобы пожинать плоды высокого финансового вознаграждения, и в то же время они будут препятствовать выпускникам думать об их университетском образовании иначе, как о чём-то, что они купили по высокой цене для частной выгоды». Однако, «образование — это нечто большее, чем место для удовлетворения собственных интересов и карьерная гонка. ... система образования составляет основу социальной жизни», — замечает Мелисса Бенн (Melissa Benn), одна из инициаторов Сообщества местных школ (The Local School Network), которое поддержало альтернативный документ³¹.

Таким образом, официальный дискурс в отношении образования характеризуется ростом потребительского релятивизма. И это свойственно далеко не только Великобритании. Об образовании на «товарном» языке говорят в США, Нидерландах, Австралии, Индии и, конечно же, в России. Предполагается, что образование, трансформированное в рыночно развивающуюся систему, превратит студентов в «критических потребителей», а институты высшего образования — в поставщиков, которые будут формировать программы «под заказ»³². Понимание того, что «образование — это больше, чем корысть и гонки к вершине»³³, что образование — это не только обучение для трудоустройства³⁴, изживается доктринальными группами, которые видят общественное образование исключительно через призму финансового регулирования.

Такого рода коммодификационный взгляд легитимизирует и оправдывает себя посредством использования батареи «рыночных» идиом, в их ряду: «соотношение цены и качества», «открытый рынок», «выбор услуг», «свободная конкуренция», «человеческий

капитал», «рыночная дисциплина», «рабочая сила», «удовлетворённость потребителя», «поставщики товара», etc.

Коммодификация ограничивает предназначение и функции образования по отношению к человеку как личности и в более широком горизонте культурного функционирования общества. Вестник Оксфордского университета отмечает³⁵, что работа, осуществляемая образованием в этой сфере значит гораздо больше, чем материальные вопросы времени. Она является мощным инструментом поддержания стабильного и гуманного общества. Она даёт доступ обществу к широчайшему диапазону талантов. Но в то же время эта работа лежит за пределами специфики отдельных дисциплин. Однако именно дисциплины в качестве основного предмета обмена выделяют товарный подход.

В конечном счёте «поместить финансовую власть в руки учащихся» означает не что иное, как «заставить их платить за то, что они и так должны получить по праву»³⁶, поскольку «общественное высшее образование является частью контракта поколений, в котором старшие поколения вкладывают средства в благополучие будущих поколений, которые в свою очередь, будут их поддерживать»³⁷. Такое инвестирование в молодых, — говорит ассоциация факультетов Калифорнийского университета в Беркли, — «зиждется на убеждении, что наше общее будущее, будущее этого государства и страны, зависит от их таланта и мудрости. Именно поэтому оно должно быть практически бесплатным»³⁸. Конечно, университеты стоят дорого, но налогопла-

³¹ Swain H. Higher education white paper is provoking a winter of discontent.

³² Джонглоед Б. Нидерланды: новации последних лет / Пер. с англ. О. Попова // Образование в стране и мире. Пермь, 2005–2006. № 1. URL: http://www.ocm.perm.ru/stat/stat_7.htm (дата обращения: 20.09.2011).

³³ Alternative white paper: In defence of public higher education // Guardian Unlimited, 2011 (September 28). URL: <http://features.guardian.co.uk/article/0e71coY1Pj5Rg> (дата обращения: 29.09.2011 г.).

³⁴ In Defence of Public Higher Education (doc., 3.41).

³⁵ The University's Response to the Government's White Paper, The Future of Higher Education // Oxford University Gazette. Oxford, 2003. № 4660. Supplement (1). URL: www.ox.ac.uk/gazette/2002-3/supps/1_4660.htm (дата обращения: 29.09.2011).

³⁶ Collini S. The Dismantling of the Universities: From Robbins to McKinsey.

³⁷ In Defence of Public Higher Education (doc., 1.8).

³⁸ Brown W., Rosen C., Walker R. Talking Points in Defence of UC and Public Education.

тельщики понимают все выгоды от образования *человека*³⁹.

Социальная миссия образования многогранна. Она — в улучшении положения дел с социальным неравенством, в привитии и удержании стандартов гражданства⁴⁰, во вкладе в культуру и экономику местных общин, где образование составляет цивилизационное ядро. Альтернативная Белая книга отмечает, что «университетский сектор гораздо крупнее, чем узкая группа элитных университетов». Основная часть английских университетов располагается в регионах, и каждый год они принимают тысячи студентов из бедных семей и поддерживают их в процессе обучения. Они «готовят будущих медсестер, работников скорой помощи, социальных работников, учителей и представителей многих других профессий». Они «помогают своим студентам в гарантированном трудоустройстве после окончания учёбы, что было бы для них недоступно, если бы они не поступили в университет». Значит, именно они на деле осуществляют социальную мобильность, — а вовсе не самые избранные университеты. Кроме того, университеты в силу своего публичного характера способны создавать дискуссионные пространства для независимого анализа коммерческих и политических проектов⁴¹. Критическая дискуссия есть одна из генетических основ существования университетов как эпистемических общин, составляющих открытое общество.

Следовательно, университеты сегодня — это далеко не только глобальные экономические институты. Очевидно, что частный коммерческий университет будет в первую очередь ориентирован на своих собственников и акционеров. Он отнюдь не будет иметь интереса в удовлетворении широкого круга потребностей общества, равно как и местной экономики⁴². Именно под этим углом зрения следует рассматривать рыночную неспособность

части университетов и перспективы их захвата частными поставщиками образовательных услуг.

Модель студента-потребителя затемняет реальность образовательного института. Так называемый

«свободный» выбор образовательной специализации на самом деле определяется многими конкурирующими факторами, в их числе — раннее влияние профилированной учебной программы где-то на уровне 14-летних, и сдвиги моды на образование среди 17-летних. И то, и другое — результат влияния, находящегося за пределами «рынка образовательных услуг»⁴³. Обращение в университет для многих является одноразовым событием, отсюда модель студента как рыночного «покупателя» просто не выдерживает критики. Коллини замечает, что «это больше похоже на вступление в брак, а не на покупку стирального порошка»⁴⁴.

Результаты обучения нельзя купить как товар, если, конечно, под ними понимается не диплом. Они — следствие собственных усилий по изучению того, что определяется как товар, но на самом деле является лишь условием так называемой «покупки». Образование — это собственная обязанность, собственный труд и риски по освоению. Но также здесь присутствуют индивидуальные вложения и талант тех, кто учит. Просто заплатив, можно не получить то, за что платишь, хотя бы в силу неспособности или неготовности освоить купленное.

К результатам обучения следует отнести развитие личности, формирующее исследовательский ум, способность проблематизировать идеи и порождать новые, системное и критическое мышление, когнитивное многообразие *psyche*, понимание и социальное взаимодействие. И всё это входит в понятие «образование», составляющее источник той культуры, которая формирует современное русло движения общества. Тогда то, с чем мы имеем дело в образовательной сфере, не может адекватно пониматься в первую очередь как рынок, поскольку желание и деньги здесь отнюдь не приводят к приобретению.

Познание составляет культурную доминанту в трансформационных процессах, определяющих социальную модель будущего. Сфокусируемся на том, как товарный взгляд на образование и исследование и, в конечном счёте, на исследовательское образование и исследовательское познание осуществляет деконструкцию самой возможности экономики производящих знаний, т.е. враждебен непосредственно тому, из блага чего он пытается исходить и что продвигать.

³⁹ In Defence of Higher Education.

⁴⁰ In Defence of Public Higher Education (doc., 3.3).

⁴¹ Ibid (doc., 3.45–3.49, 3.8).

⁴² Ibid (doc., 3.47).

⁴³ Collini S. The Dismantling of the Universities: From Robbins to McKinsey.

⁴⁴ Ibid.

Калифорнийский университет в Беркли — один из лучших университетов в США, в котором обучается более 35 тысяч студентов. Исследования есть основная функция университета, утверждается в меморандуме ассоциации его факультетов, причём исследования границ человеческого знания способны приносить неожиданные выгоды для общества и экономики. Иногда результаты этих исследований дают знать о себе годы или десятилетия спустя, но именно поэтому так важна поддержка фундаментальных исследований, а не только товарных приложений. Марка университета — это не «бренд» как Coca-Cola для сбыта с целью получения дохода. Мы не должны стать бизнесом по продаже on-line курсов и внешних степеней. Мы можем использовать Интернет и другие технологии, чтобы достичь более широкой аудитории, *но с большой осторожностью*, чтобы не ухудшить нашу образовательную миссию⁴⁵.

Оксфордский университет в Великобритании — старейший англоязычный университет в мире, в котором преподавали ещё в XI веке, — обучает сегодня более 20 тысяч студентов. Оксфордский университет видит научные исследования и образование в качестве фундаментальной компоненты открытого, плюралистического и инновационного общества, — сообщается в его Вестнике. Там же отмечается, что жёсткая модель организации и финансирования исследований, реализуемая в рамках товарной парадигмы, не соответствует реалиям науки, — «успешные исследования не являются результатом отдельной взятой организационной модели, но зависят от совокупности целого ряда взаимодействий между индивидами и группами, от среды, в которой они производятся». Причём в студенческой среде исследование отнюдь не играет роль приобретаемой услуги, прежде всего оно становится *воспитанием*, которое и определяет высокое качество образования. Анализ показывает, что коммодификационные стратегии ведут к разделению процесса обучения с научными исследованиями, которое демотивирует персонал учебных заведений, и в целом способны оказать пагубное влияние на те университеты, где ведутся интенсивные научные исследования, в частности, в плане исследовательского партнёрства и научной мобильности⁴⁶.

Однако логика рынка признаёт только утилитарное значение исследования и препо-

давания. И эта коммодификационная логика лежит в основе деятельности коммерческих поставщиков знания, которые предлагают обучение, модифицированное товарными отношениями, как с точки зрения его человеческого качества, так и баланса знаний. Коммерческие компании не обременены ответственностью за сохранение общественных ценностей образования. В логике рынка — стимулировать коммерческих поставщиков учебных программ, которые действуют через сеть франчайзинговых провайдеров обучения⁴⁷, или распределять финансирование научных исследований на конкурсах, где основным критерием оценки является снижение стоимости работ. В то же время учебные курсы, разрабатываемые и поставляемые как товар внешними организациями, лишают преподавателя возможности творческого участия, а образование — генеративной силы. И то, и другое делает проблематичным организацию обучения через исследования и обретение учащимся компетенций, релевантных как экономике, так и культуре производящих знаний.

Логика рынка осуществляет диверсификацию образовательного института так, что он начинает терять своё эпистемическое лицо. В комментариях интернет-ресурса газеты «Гардиан» пользователь GerryP пишет: «Сейчас Политехнический колледж стал университетом, специализирующимся на спортивных науках, изучении средств массовой информации, и, помоги нам, Боже, танцев. Извините, они пока ещё обучают и химии...»⁴⁸. Введение регулируемой платы за обучение отнюдь не ведёт университеты к принципам «хорошего рынка», поскольку все университеты очень скоро начинают брать по высшему разряду⁴⁹, элиминируя саму возможность развития социальной мобильности. Таким образом, рынок стимулирует механизмы когнитивного исключения, как на уровне инсти-

⁴⁵ Brown W., Rosen C., Walker R. Talking Points in Defense of UC and Public Education.

⁴⁶ The University's Response to the Government's White Paper, The Future of Higher Education (10, 11, 14).

⁴⁷ In Defense of Public Higher Education (doc., 3.6, 1.5, 2.5, 3.36).

⁴⁸ Comments / Swain H. Higher education white paper is provoking a winter of discontent // The Guardian. London, 2011 (September 27). URL: <http://www.guardian.co.uk/education/2011/sep/27/higher-education-alternative-white-paper/start-of-comments> (дата обращения: 27.09.2011).

⁴⁹ Collini S. The Dismantling of the Universities: From Robbins to McKinsey.

тутов, так и среди индивидов. В контексте такой социальной механики профессор из Кембриджа Саймон Сзретер задаётся вопросом: «Как будет тогда достигнута радикальная модернизация человеческого капитала, необходимая для современной экономики, основанной на знаниях?»⁵⁰.

Наука не может быть представлена как рынок конкурирующих исследователей, равно как и образование, отвечающее культурному движению общества, далеко не есть рынок конкурирующих институтов. Оксфордский вестник говорит, что неотъемлемой частью культуры исследования давно стало сотрудничество между отдельными людьми и исследовательскими группами в различных вузах, которое осуществляется невзирая на границы между государствами⁵¹. Кроме того университеты пользуются сообща преподавательскими ресурсами⁵². Внедрение чисто товарных отношений способно закрыть доступ научным и образовательным институтам, равно как и отдельным исследователям, к обобщённым ресурсам знаний и объектам коллективного научного пользования.

В интернет-ресурсе газеты «Гардиан» комментарии к «товарным» инициативам правительства говорят, например, о распространённой во всём мире практике обмена или приобретения по базовой стоимости реагентов типа антител, ДНК и РНК-зондов, определённых пород лабораторных мышей и тому подобное, о научных семинарах, куда приглашаются якобы «конкурирующие» исследователи, чтобы обменяться мнениями, поговорить приватно с любым специалистом. «Если научные исследования являются чистой конкуренцией, — замечает пользователь muscleguy — то такая система не работает. ... Конкуренция — дело хорошее, в нужное время и в нужном месте (например, при наборе студентов), и мы

чувствуем себя сильнее вместе, поэтому и работаем вместе»⁵³. По словам С. Джанини, директора Департамента союза ректоров университетов Италии, сегодня необходимо достигать конкурентоспособности через новые модели сотрудничества университетов, которые соответствуют гуманистическим идеям европейской традиции⁵⁴.

Логика рынка не распространяется (и не может применяться!) на продажу дорогостоящих дисциплин в области науки и техники. Этот факт вынуждена фиксировать и экономически обыгрывать (в дотационном плане) британская Белая книга по высшему образованию. Такие «высокотехнологичные» курсы обладают высокими накладными расходами на материалы, оборудование, квалифицированный технический персонал. Следовательно, логика рынка должна быть исключена как раз из того кластера образовательной системы общества знаний, который имеет в виду его базовые экономические интересы, касающиеся производства знаний. В противном случае, если университеты не смогут найти достаточно студентов для оплаты «высокотехнологичных» дисциплин, то такие курсы не должны предлагаться им, несмотря на их критичный для экономики знаний характер⁵⁵. Так «товарная» доктринализация образования рождает оксюморон: свободная конкуренция в контролируемых условиях.

* * *

Образование меняется вместе с изменяющимся обществом. Вместе с тем на нём основывается развитие самого общества, его социальные, политические и экономические стратегии. Отсюда исходят требования к образованию, которое должно выдерживать темпы быстро развивающегося общества и выстраивать для этого системные связи с другими сферами деятельности. В таком взаимодействии рождаются образовательные инновации, которые фокусируют на себя внимание образовательных коллективов, власти и общества. Однако за этими инновациями всегда стоит образование как таковое, составляющее культурное ядро жизни общества с его непреходящими ценностями, традициями, педагогическим опытом и устремлённостью в воспитание и удержание своего человеческого начала. Именно это культурное ядро, помещённое в центр инновации, способно дать ей долгую и плодотворную жизнь. □

⁵⁰ Szreter S. For the Many, Not the Few // The Times Higher Education. London, 2011 (June 23). URL: <http://www.timeshighereducation.co.uk/story.asp?storycode=416555> (дата обращения: 27.09.2011).

⁵¹ The University's Response to the Government's White Paper, The Future of Higher Education (15).

⁵² Comments / Swain H. Higher education white paper is provoking a winter of discontent.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Хилько И. Болонские сомнения // Поиск. М., 2011. № 40 (1166). С. 2.

⁵⁵ Collini S. The Dismantling of the Universities: From Robbins to McKinsey.